

Оглавление

Предисловие.	5
Проба пера.	6
Увольнение	8
Возвращение домой	20
Дюха	45
Обычная служба пограничная	58
Орден	72
Электричка	81
Деревенские предприниматели	89
Конфетти.	96
Крестик	110
Эхо памяти.	147
МММ	149
В шестьдесят я занялся йогой...	152
Особенности первой поездки на охоту	153
Полонез Огинского.	172
Баба Катя.	178

Предисловие

С семьей Сергея Раншакова мы познакомились благодаря простому случаю. Они взяли у нас щенка вест-хайленд-уайт-терьера, и так мы породнились. Мы долго придумывали красивые имена для наших щенков и раншаковского мальчика назвали Вивальди Мио. Конечно, в семье он быстро стал Вивальдюшей, потом Дюшей, а потом и Дюхой. Через несколько лет мы были шокированы, прочитав рассказ Сергея «Дюха» — о другой собаке, фронтовом друге наших бойцов в Афганистане. Потом не раз восхищались его талантом, читая и другие рассказы. Сергей печатался в сборниках «Писатель года» за 2012 и 2013 годы, в сборнике «Наследие», издававшемся Российским императорским домом к 400-летию династии Романовых.

Рассказы Сергея Раншакова очень автобиографичны. Вместе с ним читатель служит на Дальнем Востоке, воюет в Афганистане, приходит с войны, наслаждается мирной жизнью. При этом каждая история — при всей ее ироничности — неизменно пропитана любовью к людям и Родине.

Трагическая смерть в автомобильной аварии рано оборвала жизнь нашего друга. Но писатель продолжает жить в своем творчестве. Уверен, что публикация этого сборника (полного собрания его произведений) — дань памяти выдающегося человека и творческий вклад в наше культурное наследие.

Сергей Зубарь

Гена Забелин, курсант Ленинградского высшего артиллерийского командного училища, был натурой романтической. На лекциях он частенько витал в облаках, и вопрос преподавателя: «Забелин, о чем я сейчас говорил?» — вводил его в легкий ступор. Ему сначала нужно было вернуться на грешную землю, прежде чем понять, чего от него хотят.

Генку спасало то, что учился он, в общем-то, неплохо. Звезд с неба не хватал, но был, так сказать, твердым хорошистом.

Как-то во время самостоятельной подготовки Гена, сидя один за партой, разложил перед собой тетрадь. Грызая шариковую ручку, с отрешенным видом уставившись в окно, он мучительно искал изюминку для своего произведения, даже не заметив, как к нему подошел командир взвода.

— «...Выключив свет, она медленно сняла трусики...» — заглядывая со спины, прочитал тот. — Забелин... Твою дивизию... — взревел взводный. — Вместо того чтобы готовиться к завтрашним занятиям... У меня слов нет...

Забрав Генкину тетрадь и хлопнув дверью, взводный удалился.

На вечернем построении командир батареи вывел Генку из строя.

— Вместо того чтобы учить стрельбу и управление огнем, у нас некоторые... «Выключив свет»... Ги де Мопассан хренов... Заметку в стенгазету написать некому, а вот про трусики... — орал комбат, размахивая тетрадью перед Генкиным носом.

Получив три наряда вне очереди, униженный и оскорбленный Генка встал в строй.

А через три дня было торжественное построение училища на плацу по случаю Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Неожиданно комбату позвонил начальник политотдела училища:

— Курсант Забелин у вас где?

— В наряде, товарищ полковник.

— Снимите его с наряда, необходимо, чтобы он был на построении на плацу.

«С чего бы это, неужели „заложили“ и до него дошло?» — гадал комбат.

Думал об этом и Генка, стоящий в строю.

По окончании торжественного митинга начпо, вызвав его к трибуне и выждав такую затянувшуюся, такую мучительную для Генки паузу, произнес:

— Товарищи курсанты и офицеры, сегодня утром мне позвонил начальник политотдела Ленинградского военного округа и поздравил. Наш курсант Забелин стал победителем конкурса, проводимого газетой «Красная звезда», написав потрясающую статью про наше славное училище. В ближайшем выпуске газеты эта статья будет опубликована, и поэтому всем замполитам необходимо на ближайших политзанятиях довести ее до личного состава. Забелин, вы уже на третьем курсе, а до сих пор скрывали свой талант. Вам нужно его развивать и совершенствовать. Понятно, что учеба отнимает много времени, но такой дар нельзя зарывать в землю, — пожурил он Генку, добавив трое суток к очередному отпуску. — Кроме того, считаю целесообразным разместить эту статью на стендах ваших Ленинских комнат, — добавил он, почему-то глядя на комбата.

— Так точно, — отрапортовал тот. И, глядя под ноги, буркнул себе под нос: — Тем более у меня уже есть кое-что из еще не опубликованного... Отставить смех! — обернувшись, рявкнул он на ржущий строй.

Самое начало 90-х годов.

В отдаленный учебный центр, готовящий сержантов и солдат-специалистов, для дальнейшего прохождения службы прибывает выпускник Тюменского инженерного училища. Неплохо, без троек закончив оное, с его же слов, он так и не стал офицером.

У Сереги светлая голова, и ему бы что-нибудь своими руками мастерить, а вот руководить, командовать... Еще в училище он понял, что ошибся с выбором профессии, но бросить учебу не решился. Родители гордились, что их сын станет офицером, да и любимой девчонке военная форма очень нравилась.

Тут же, попробовав себя в роли командира взвода, Серега окончательно понял, что это не для него. К тому же та самая девушка наотрез отказалась ехать из Тюмени в «тмутаракань», бросив перспективную работу в пахнущей нефтью компании.

На Серегин рапорт с просьбой об увольнении командир части вместе с начальником политотдела прочитали ему лекцию о том, сколько средств затратило государство на его обучение и что он обязан...

На повторный рапорт довели, что есть два способа уволиться.

Первый — через тюрьму, за тунеядство и уклонение от воинской службы.

Второй — стать инвалидом, но по-настоящему, а не умышленно. А то опять же придется через тюрьму.

Лейтенант приуныл. В тюрьму ему не хотелось, к тому же не в его характере было тунеядствовать и бездельничать. Сам по

себе-то он был парнем исполнительным и трудолюбивым, да и со спиртным не дружил.

* * *

В части, трудно сказать, на какой почве, Серега почему-то сошелся не со своими ровесниками, молодыми офицерами, а с пожилым, умудренным жизненным опытом прапорщиком, старшиной роты обеспечения. Тот учил его уму-разуму, в качестве наставника объясняя премудрости воинской службы. Из-за него-то Серега и получил свое первое взыскание.

Как-то сидели они, закрывшись в каптерке роты обеспечения. Попивая пиво, вели разговоры за жизнь. Серега пиво не любил, но, чтобы не обидеть Михалыча, поддерживал компанию.

Постепенно пиво дало о себе знать, и лейтенант «сейчас, на минутку» выскочил по нужде. Но, как назло, табличка, висевшая на двери туалета, крупными буквами сообщала: «Не работает». Ниже кто-то мелом дорисовал череп и кости. Дескать: «Не влезай — убьет».

Пришлось бежать в другую казарму.

Когда вернулся, Михалыч ему пожаловался:

— Вторые сутки мучаемся. Чего только не перепробовали, не пробивается.

— А как канализация проходит? Где первый колодец? — поинтересовался Серега.

— Так вон же люк, перед казармой, на плацу.

— Завтра пробьем, — заверил лейтенант.

А назавтра саперная рота участвовала в учениях с боевой стрельбой и обильным применением всевозможных имитационных средств.

Сергея сначала хотел сэкономить пару штук взрывпакетов и затем использовать их не по назначению, но затем свой выбор остановил на ШИРАСе (шашке имитации разрыва артиллерийского снаряда). Ее-то вечером, по возвращении в часть, они вместе с Михалычем и установили в канализационный колодец перед казармой роты обеспечения. Сверху на люк передним колесом наехал ГАЗ-66.

Взрыв.

Автомашину подбросило, но не опрокинуло. Крышка люка с грохотом покатила по плацу. Запах Сергея с Михалычем почувствовали, еще стоя на нем.

У входной двери их чуть не сбил вылетевший навстречу весь в дерьме, издающий зловонный запах боец. Взглянув на них ошалевшими глазами, он напрямик рванул к морю.

Туалет потрясал «боевой раскраской». Все стены и потолок в дерьме. Лишь над одной кабинкой, на потолке, светлое пятно. Именно в этой кабинке сидел боец, получивший потрясающие, не забываемые на всю оставшуюся жизнь впечатления.

Командир долго орал, что это подсудное дело, что это статья за хищение взрывчатых веществ. Но, принимая во внимание молодость лейтенанта, его чистосердечное признание и учитываемый конечный результат (туалет после такой встряски долгие годы работал бесперебойно), ограничился строгим выговором.

Полученное взыскание окончательно убедило Сергея, что его место на гражданке. А тут еще любимая девушка намекнула, что не сможет долго жить в разлуке.

С этими мыслями он и пришел к Михалычу, а тот, посочувствовав, дал совет:

- Начинай тупить.
- В смысле?
- Ну, закоси под дурачка. В конце концов командованию надоест, и они тебя уволят.

И Серега стал «косить», внося определенный колорит в быт гарнизона. Прижатый сопками к берегу Уссурийского залива, тот жил своей обычной размеренной жизнью.

* * *

Ближайшая деревня от гарнизона в пяти километрах. Школа, детский садик — всё там. В 8 утра потрепанный ПАЗик доставлял детей и женщин в эту деревушку, а ближе к вечеру возвращал обратно.

Канун Нового года. Давно выпал снег. Мороз где-то под минус двадцать, что для влажного приморского климата очень существенно.

На остановке, ежась от холода, переминаясь с ноги на ногу, кутаясь в шубы, люди ждут автобуса.

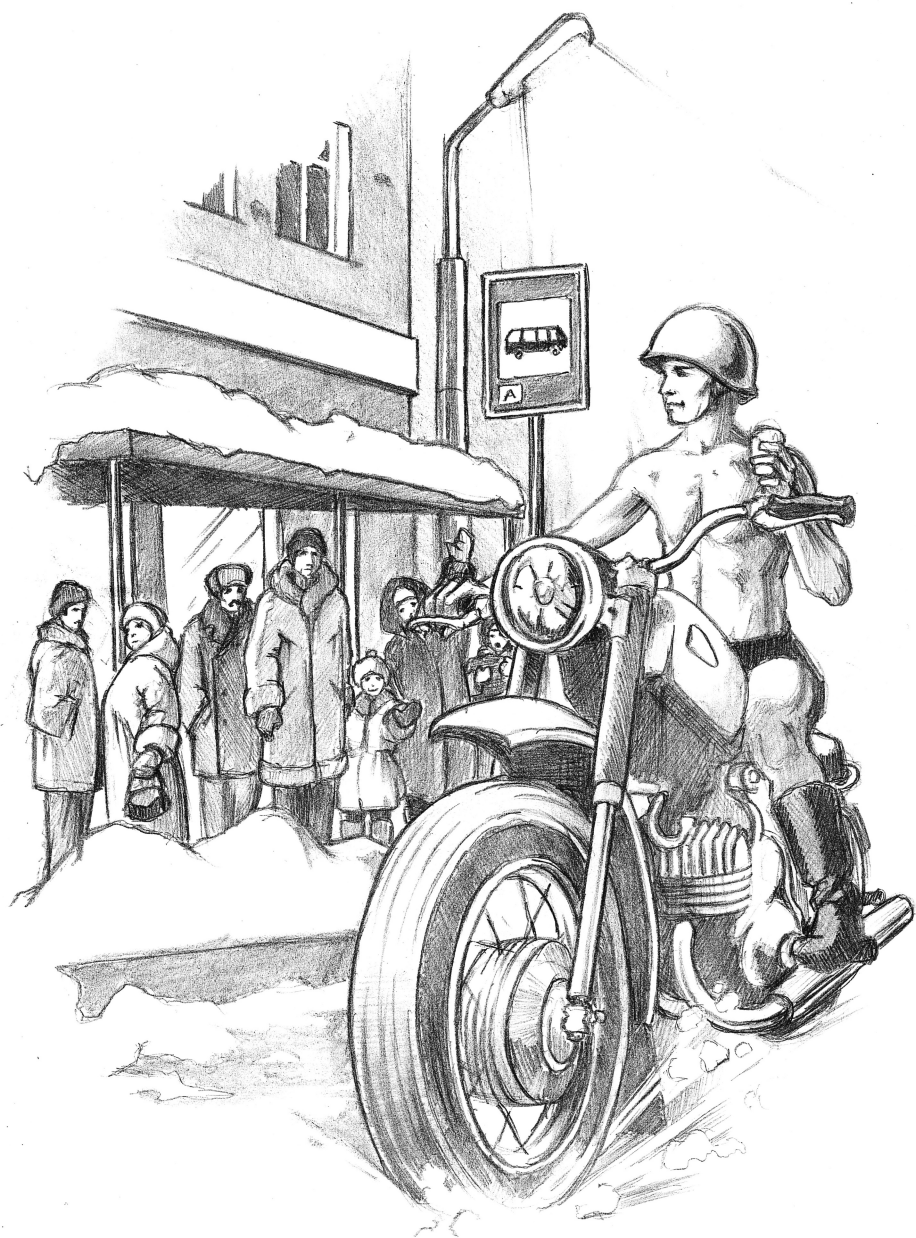
Из-за угла, мимо них, тожественно и важно на мотоцикле выезжает Серега. На нем из одежды — хромовые сапоги, трусы и каска. Он уверенно правой рукой управляет мотоциклом, в левой — мороженое.

После утреннего развода на плацу возмущенный начальник политотдела привел Серегу в кабинет командира. Выслушав начпо, командир изрек:

— Да и хрен с ним. Пусть катается, если ему свои причиндалы не жалко. Заболает — получит взыскание.

* * *

К новогоднему вечеру Серега с помощью солдата-умельца изготовил новогодний костюм. Из толстого листа фанеры они

выпилили огромные ступни босых человеческих ног, которые при помощи ремешков прикрепили к валенкам. Лейтенант где-то раздобыл маску Кинг-Конга и вывернул тулуп наизнанку.

В клуб он в таком виде не пошел. А около 4 часов ночи, когда уставшие и подвыпившие офицеры, прапорщики и члены их семей потянулись домой, быстренько сбегал за своим нарядом.

Жилой городок, где проживали семьи военнослужащих, располагался отдельно от остальной территории части. От КПП через небольшой парк к нему вела асфальтовая дорожка. В этом-то парке, облачившись в свой костюм, спрятавшись за деревьями, и сделал Серега засаду.

Дождавшись, когда на аллею вывалила компания веселых, подвыпивших девчонок, он с диким ревом выскочил из-за деревьев.

Хмель у девчонок прошел сразу, а ответный визг был еще более впечатляющим. И они бросились в разные стороны друг от друга: Серега напрямик в лес, а девчата, сбив с ног дневального по КПП, понеслись обратно в часть.

Поднятый по команде «В ружье» караул обнаружил следы, похожие на человеческие, оставленные босыми ногами, но невероятно больших размеров.

Командир части «добро» на преследование «снежного человека» ночью не дал.

Серега же, сделав крюк по лесу, вышел на лед залива, где, уже не оставляя следов, снял с валенок деревянные ступни. Пройдя до места, где дорога, идущая вдоль берега, вплотную примыкала к кромке льда, вывернув тулуп, он ушел домой спать.

С рассветом вооруженная группа прошла по следу. Выйдя на лед, она сделала вывод, что «снежный человек» по нему ушел на ту сторону залива, о чем дежурный по части и доложил оперативному дежурному во Владивостоке.

Вероятно, получив информацию от него, к обеду в часть прибыла съемочная группа и сняла сюжет для местных теле-новостей.

Описания размеров и внешности «снежного человека», поведенные очевидцами, различались, а одна из девчонок рассказала, что как мужчина выглядел он вполне привлекательно, и если бы не его рев...

На третьи сутки местный особист, как-то выйдя на солдата-умельца, вычислил Серегу, и новоиспеченный «йети» вновь предстал перед глазами командира и начальника политотдела.

* * *

Хочу напомнить, что происходило это тогда, когда наш «пятнистый» президент решил в России известить «зеленого змия».

Замполиты тут же откликнулись на призыв к здоровому образу жизни.

По стране прокатилась череда разрекламированных безалкогольных свадеб. А в армии командование порекомендовало присвоение очередных воинских званий и вручение наград отмечать, опуская звездочки и эти самые награды в стакан чая или сока.

В политотделе учебного центра в то время исправно служил майор Вулис. Не знаю, по распоряжению начпо либо, преисполненный чувством долга, по своей личной инициативе, он решительно встал на борьбу с этим недугом, выявляя всех злостных и не очень нарушителей.

С раннего утра он болтался по части и под разными предложениями старался пообщаться со всеми сослуживцами. При этом он, как бы невзначай, все ближе и ближе подходил к собеседнику,

стараясь уловить запах изо рта. Обо всех замеченных в употреблении спиртного тут же докладывал начальнику политотдела.

И вот как-то вышел Вулис на крылечко штаба, а по центральной аллее ему навстречу по своим делам спешил Серега.

Его можно было бы и не обнюхивать. Не любил Серега спиртное. Но то ли у майора это дело уже вошло в привычку, то ли он решил, что раз уж взялся за него, то нужно делать добросовестно, не допуская поблажек никому.

Задав пару несущественных вопросов, чуть склонив голову набок, Вулис все ближе и ближе подступал к Сереге. И, когда расстояние между их лицами существенно сократилось, тот, недолго думая, обхватил двумя руками майора за голову и, резко притянув к себе, поцеловал в лоб.

Вырвавшись, Вулис запрыгнул на клумбу. Его вопль был сродни сигналу «Тревога».

— Что случилось? — подгоняемый возгласом командира, на крыльцо выскочил ошарашенный дежурный по части.

— Что... что вы себе позволяете? — вопил Вулис.

На этот же вопрос в кабинете командира части Серега ответил:

— Товарищ полковник, я не виноват. Он сам меня спровоцировал. Мне показалось, у него жар.

Пришлось извиняться. После этого случая рвение у Вулиса резко пошло на убыль, но кличка Жаркий майор сохранилась за ним надолго.

* * *

А тут еще для инспектирования части прибыла высокая комиссия из Москвы во главе с генералом.

С десяток пузатых полковников вальяжно болтались по территории, показывая всем видом, что только они там, в далекой и недоступной для простых смертных Москве, знают, как понастоящему должен быть организован учебный процесс.

Прибыв сюда с благородной миссией, они были уверены в том, что, «встряхнув и поставив на уши» часть, сумеют вывести ее на новый жизненный уровень.

С раннего утра, вызвав всех офицеров и прапорщика, ротный, как ужаленный в одно место, носился по казарме, отдавая кучу указаний, тут же часть их отменяя и отдавая новые.

Как назло, подвел замполит. Слег с температурой под сорок. Вчера еще с ротой, с голым торсом, как архар, носился по сопкам, а вечером у него температура. Козел! А с утра политзанятия.

Выбор пал на Серегу.

— Значит так, — заверил ротный, — из достоверных источников известно: нашу роту будут проверять по специальной подготовке на полигоне. На политзанятия никто из проверяющих не придет. Времени осталось мало, так что давай сообрази что-нибудь.

Сереге бы про устройство мин или как построить, а лучше взорвать мост. Тут ему и конспект не нужен. А вот политзанятия как серпом по одному месту. Но делать нечего. Он сбегал в соседнюю роту и у замполита выпросил конспект, благо та рота была в наряде и политзанятия у них прошли накануне.

Не успев даже толком взглянуть в него, Серега разложил конспект на трибуне. Название прочел легко, с выражением, даже как-то вдохновенно. А дальше... Почерк у замполита — словно врач написал историю болезни.

Проверяющий застал лейтенанта, когда тот добросовестно, по слогам проговаривал какие-то тезисы. Сначала он расшифровывал слова по отдельности, а затем уже, облегченно вздохнув, торжественно произносил предложение целиком.

Послушав минут десять, полковник сообщил солдатам, что в связи со служебной необходимостью политзанятия переносятся на вечер, и пригласил Серегу в канцелярию.

Слушать объяснения по поводу замполита не стал. Швырнув на стол чужой конспект, потребовал, чтобы тот представил свои.

Конспекты у Сереги были. Какие-то. Со съездами, пленумами и их историческими решениями.

Почитав, проверяющий поинтересовался:

— А где речь Леонида Ильича на таком-то пленуме?

Серега заверил, что она есть, но в другом конспекте, который где-то там, дома.

— А остальные тоже «где-то там, дома», — ехидно заметил полковник про конспект с работами другого Ильича.

— Так точно, — подтвердил лейтенант.

— И какие же вы его работы знаете? — с той же ехидной улыбкой не унимался инспектор.

Серега знал. Несколько. Мучительно напрягая память, он назвал их, закончив «Детской болезнью левизны в коммунизме».

— И о чем же она? — все никак не мог угомониться полковник.

Детские болезни Серега знал. Несколько. Но какую из них подхватила «левизна в коммунизме», угадать не смог.

Монолог инспектора был очень эмоциональным и содержательным. Самым ласковым и безобидным словом в нем было «безобразия». Завершился он обещанием: «Уволить лейтенанта к такой-то матери».

Такой ответной реакции проверяющий явно не ожидал.

— Наконец-то, хоть вы меня понимаете. Вот уже почти год прошу, — Серега попытался приобнять полковника и положить голову ему на грудь. — На вас вся надежда. Вы для меня как отец родной, — заверил он.